

А. П. Лебедев

**Из истории Вселенских
соборов IV и V веков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. П. Лебедев**
Из истории Вселенских соборов IV и V веков / А. П. Лебедев – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 273 с.

ISBN 978-5-458-06051-6

ISBN 978-5-458-06051-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„Тисячу разъ доказано самымъ дѣломъ, что нѣтъ ни чего столько вреднаго торжеству истины, какъ слѣпаная ревность неразумныхъ защитниковъ ея, проявляющаяся въ упорномъ повтореніи неудовлетворительныхъ, одностороннихъ и, какъ всегда бываетъ при этомъ, совершенно излишнихъ доказательствъ“. *Профессоръ Н. В. Чельцовъ*. („Исторія“, стр. V).

„Нѣтъ ни одного историческаго труда, противъ котораго критика не могла-бы сдѣлать замѣчаній. Нѣтъ ни одного историческаго произведенія, о которомъ бы можно было сказать, что оно вполнѣ совершенно и окончательно воспроизводитъ извѣстный фактъ или извѣстную эпоху и что далѣе по этому предмету не нужны и невозможны никакія новыя болѣе полныя и болѣе правильныя въ извѣстныхъ пунктахъ представленія и изслѣдованія“. *Протоіерей Иванцовъ*. („Первыя лекція“, 53).

Сочиненіе о. протоіерея А. М. Иванцова, профессора церковной исторіи въ московскомъ Университетѣ: „Религіозныя движенія“ и пр. составилось изъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ за 1880—1881 годы и представляетъ собою подробную критическую оцѣнку моей докторской диссертациі: „Вселенскіе соборы IV и V вѣка. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ александрійской и антїохійской“ (М. 1879). Слѣдовательно, оно представляетъ собою нѣсколько запоздалый разборъ сочиненія, которое пере-

стало уже быть интересомъ дня и отошло въ область исторіи. Но это не лишаетъ сочиненія протоіерея Иванцова своего рода значенія. По крайней мѣрѣ оно интересуеть меня, по причинамъ очень понятнымъ, интересуеть, быть можетъ, то учебное заведеніе, изъ стѣнъ котораго вышло сочиненіе, подвергаемое критикѣ о. Иванцовымъ, вѣроятно, интересуеть и тѣхъ, копечно немногихъ, любителей богословской науки, которые привыкли слѣдить за движеніемъ нашей русской богословской науки; помимо этого оно заслуживаетъ вниманіе безотносительно къ кому-либо, такъ какъ оно выражаетъ взгляды часто до противоположности различные отъ взглядовъ, высказанныхъ въ моей книгѣ, и значитъ представляетъ явленіе, которому должно быть отведено мѣсто въ развитіи нашей церковно-исторической науки и которое требуетъ критики и оцѣнки со стороны лицъ, не совсѣмъ согласныхъ съ воззрѣніями почтеннаго церковнаго историка. Все это заставляетъ меня принять на себя, правда, нѣсколько скучную, задачу пересмотрѣть результаты и аргументы моей книги и сопоставить ихъ съ результатами и аргументами сочиненія о. Иванцова. Само собой разумѣется, эта провѣрка результатовъ и доказательствъ, имѣющихъ мѣсто въ моей книгѣ, и оцѣнка результатовъ и доказательствъ, находящихся въ сочиненіи о. Иванцова, не могутъ быть произведены всесторонне и полно. Иначе пришлось-бы написать книгу вдвое-втрое бѣльшую, чѣмъ какую составилъ мой критикъ (а онъ составилъ книгу едва ли меньшую, чѣмъ моя, — въ его книгѣ 238 стр. довольно убористой печати, а въ моей — 283 не столь убористой печати). Вслѣдствіе этого приходится ограничить свой трудъ, выбирать для критическаго разбора только главныя положенія,

главные аргументы, болѣе выдающіяся стороны сочиненія о. Иванцова. Это, безъ сомнѣнія, представляетъ своего рода неудобства. Такъ какъ мы будемъ выбирать для разбора то или другое въ сочиненіи о. Иванцова по своему желанію, своимъ побужденіямъ, вообще по личному вкусу, то мы всегда можемъ подвергнуться упреку въ *субъективизмъ* выбора предметовъ для критики; но къ сожалѣнію мы не видимъ другаго пути въ разрѣшеніи принятой нами на себя задачи.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору книги о. Иванцова по существу дѣла, мы желали бы дать краткую характеристику критическихъ *пріемовъ* нашего рецензента, — затѣмъ свойствъ и качествъ его научныхъ, насколько они выразились въ его трудѣ. Онъ былъ на столько внимателенъ къ намъ или лучше сказать къ нашей учено-литературной дѣятельности, что взялъ на себя трудъ (а можетъ быть и доставилъ себѣ удовольствіе) вскользь обозрѣть всю нашу учено-литературную дѣятельность (Гл. II). Съ своей стороны мы ограничимся указаніемъ характеристическихъ и бросающихся въ глаза особенностей критическаго таланта рецензента ¹⁾. Безъ сомнѣнія, это

¹⁾ Быть можетъ слѣдовало бы, — въ видахъ большаго соответствія между характеристикой вашихъ трудовъ нашимъ рецензентомъ и характеристикой съ нашей стороны пріемовъ и свойствъ литературной дѣятельности его, — бросить взглядъ и на прочія церковно-историческія произведенія о. Иванцова; но къ сожалѣнію серьезныхъ между ними немного. Безъ сомнѣнія, самымъ (если не единственно) капитальнымъ его трудомъ должно признать его докторскую диссертацию: „Обозрѣніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ“, («Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ» ч. I); но сочиненіе это

было бы дѣломъ излишнимъ, если бы изъ этихъ разъясненій получился лишь одинъ тотъ результатъ, что читатель составилъ бы себѣ понятіе о моемъ рецензентѣ, какъ писателѣ съ извѣстными манерами, методомъ, свойствами и качествами. Нѣтъ, разсмотрѣніе—по крайней мѣрѣ — *приемовъ* нашего критика во многомъ должно облегчить нашъ трудъ разбора его книги — впоследствии, потому, что многое съ большимъ правомъ можно будетъ оставить безъ серьезнаго разсмотрѣнія, относя это къ манерѣ автора писать такъ, а не иначе, и не перебирать въ подробности то, что объясняется общимъ литературнымъ характеристическимъ методомъ рецензента.

На первыхъ же страницахъ своей книги о. Иванцовъ замѣчаетъ: „предупреждаемъ, что мы желали бы отнестись къ книгѣ г. Лебедева съ возможной серьезностью и пожалуй строгостью“ (5). Что-жь?

представляетъ не больше, какъ введеніе въ дѣйствительную исторію ересей и расколовъ даннаго времени, представляетъ собою лишь зачатки будущаго, судя по различнымъ замѣткамъ, разсѣяннымъ въ книгѣ, очень значительнаго въ научномъ отношеніи труда. Высказать что-либо опредѣленное о книгѣ позтому еще рано: подождемъ... Жаль, что почтенный профессоръ, упрекая насъ въ томъ, что мы не сосредоточились на изученіи какихъ-либо опредѣленныхъ сторонъ древней церковной исторіи, а слишкомъ разбрасываемся въ выборѣ предметовъ для литературной обработки (стр. 65), самъ не подалъ другимъ поучительнаго примѣра сосредоточенности на чемъ-нибудь опредѣленномъ въ кругу своей науки, а перескакиваетъ отъ одного литературнаго подѣля къ другому: отъ разбора „источниковъ“ къ разбору книги Чичерина (отнюдь не исторической), къ диалектическимъ разсужденіямъ о Ю. Самаринѣ, а отсюда къ догматическимъ движеніямъ IV и V вѣковъ и къ другимъ вопросамъ. По крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ приниматься за религиозныя движенія IV и V вѣка, слѣдовало-бы написать сначала о религиозныхъ движеніяхъ первыхъ трехъ вѣковъ. Такой образецъ сосредоточенности въ дѣлѣ былъ бы для молодежи поучительнѣе громкихъ призывовъ и внушительныхъ фразистыхъ воззваній. Во всякомъ случаѣ наша литературная дѣятельность гораздо сосредоточеннѣе дѣятельности о. Иванцова, — она посвящена древне-греческой церкви.

Дѣло похвальное. Серьезность и строгость критики есть первое условіе плодотворнаго развитія науки. Серьезная и строгая критика всегда напередъ общается — внести большой или меньшій вкладъ въ науку. Кому неизвѣстно правило, что изъ споровъ рождается истина? Въ сущности вся наука есть прямая или непрямая, но всегда строгая, критика писателемъ текущаго времени писателей прежняго времени. На критику строгую, серьезную не въ правѣ выражать неудовольствіе авторъ, подвергающійся критикѣ, и публика не должна смотрѣть, какъ на занимательное побоище, интересъ котораго въ томъ, что одинъ изъ писателей непременно выходитъ сраженнымъ и посрамленнымъ, а другой — ликующимъ и торжествующимъ. Но къ сожалѣнію, серьезность и строгость, съ какими нашъ критикъ желаетъ отнестись къ нашему труду, не всегда и далеко не всегда соотвѣтствуютъ представленію объ истинной серьезности и строгости. Серьезность его критики часто превращается въ простое желаніе постоять на своемъ безъ всякихъ или достаточныхъ основаній, провозглашать истины очень и очень старыя, какъ очень новыя и важныя, высказывать докторальнымъ тономъ положенія очень сомнительной пробы, вообще какъ-то черезчуръ оригинальничать: утверждать, что отрицаютъ другіе, отрицать, что утверждается большинствомъ и т. д. Строгость рецензента тоже какая-то особая, такъ сказать, „самобытная“, не въ примѣръ другимъ. Это строгость чиновника покойнаго III Отдѣленія... Она отличается необыкновеннымъ усердіемъ отыскать такое, чего не рассмотрѣли не только присяжные и не присяжные цѣнители ¹⁾ моей книги, но о чемъ я

¹⁾ За исключеніемъ впрочемъ одного (г. Матвѣева), который по литературнымъ счетамъ со мной въ своей брошюрѣ по поводу моей

и самъ не догадывался. Она хочетъ не читать и изучать книгу, а оцѣнить ее по возможнымъ и невозможнымъ выводамъ, послѣдствіямъ, заключеніямъ, разоблачить самый „духъ“ книги, найти аллегорію въ прямыхъ словахъ (не даромъ критикъ въ своей книгѣ является поклонникомъ александрійской школы), павязать автору идеи, тенденціи, которыхъ нѣтъ въ его книгѣ, и вести очень ревностную и часто краснорѣчивую словесную борьбу съ продуктами собственной находчивости и призраками собственной, слишкомъ живой, фантазіи...

Обращаемся къ указанію критическихъ приемовъ и раскрытію свойствъ и качествъ подлежащей нашему разсмотрѣнію книги, дающихъ не совсѣмъ-то лестное представление о трудѣ нашего рецензента.

Критикъ, какъ мы замѣтили, должно быть съ точки зрѣнія „строгаго“ отношенія къ моей книгѣ, хочетъ прочитывать въ ней больше того, что ею сказано, существующія въ ней положенія хочетъ доводить до послѣднихъ выводовъ, до геркулесовыхъ столбовъ. Овъ говоритъ: „можетъ быть иные читатели его (т. е. моей) книги будутъ послѣдовательнѣе автора и проведутъ раскрывающіяся въ ней воззрѣнія до дальнѣйшихъ основаній и выводовъ“ (стр. 5). Такимъ читателемъ моей книги и является мой критикъ, вычитывая въ ней между строкъ то, чего въ ней нѣтъ, (или, лучше сказать, что ему угодно было), но что именно будто-бы я и хотѣлъ развить, разумѣется, больше намсками, подъ сурдинку. Можно подумать, авторомъ, т. е. мной, поставлена (черезъ публикацію

книги отнесся ко мнѣ очень не любезно. Замѣчательно, что съ этимъ критикомъ моей книги о. Иванцовъ иногда сходится до букввальности. Отчего это зависѣло?

своего сочиненія) какая-то ловушка, въ которую многіе попали по слѣпотѣ и только нашъ критикъ избѣгъ грозившей ему опасности, благодаря своей чрезвычайной проницательности; никто изъ тѣхъ, кому надлежитъ вѣдать это, не замѣтилъ, куда клонится книга своими выводами, одинъ почтенный критикъ усмотрѣлъ, чего не узрѣли другіе и притомъ многіе. Возможное ли это дѣло? И какой смыслъ, какая необходимость была для автора вводить своихъ читателей въ какой-то обманъ: говорить имъ одно для того, чтобы они думали что-то другое? Что за странная комедія, что за игра въ жмурки? Проницательный критикъ, конечно, ясно представлялъ себѣ подобныя вопросы, но они не умудрили его. Вообще довольно странно судить кого-либо не за проступокъ, а за возможность проступка, за логическій процессъ выводовъ и заключеній, не принадлежащій самому судимому. Фактовъ и доказательствъ этой характеристической черты приемовъ моего критика можно было бы привести великое множество (чуть не изъ каждой страницы его книги), но мы, конечно, ограничимся немногими и наиболѣе выуклыми. Такъ критикъ настойчиво и не разъ навязываетъ намъ мысль, будто мы допускаемъ, что школы александрійская и антїохійская своимъ вліяніемъ въ то или другое время, изслѣдуемое нами, непреодолимо влекли своихъ послѣдователей то къ защитѣ православія то къ защитѣ ереси, и притомъ каждый разъ такъ, что если александрійцы становились на защиту православія, то антїохійцы на защиту ереси, и наоборотъ,—притомъ всѣ наличные члены школы даннаго времени,—притомъ всегда. Пародируя воззрѣнія моей книги, критикъ, напр., говоритъ, что будто я думаю такъ: „непременно въ извѣстной школѣ должна была возник-

нуть извѣстная мысль, которая должна была дать поводъ къ извѣстнымъ волненіямъ. *Непремѣнно* защитниками еретической мысли въ извѣстную эпоху должны были стать послѣдователи одной школы, а защитниками православія — послѣдователи другой. *Непремѣнно* такимъ образомъ изъ одной школы должны были выходить православные богословы, а изъ другой — еретики“ (45). Въ другомъ мѣстѣ критикъ разсуждаетъ: „авторъ старается *всю* догматическую дѣятельность, *всѣ* богословскіе споры IV и V вѣковъ объяснить изъ направленія школъ александрійской и антиохійской„ (43). Послѣ этого критику ничего больше не остается, какъ въ противоположность мнѣ провозгласить великую истину: „какого-либо неизбѣжнаго предопредѣленія, по которому бы въ извѣстномъ спорѣ лица, вышедшія изъ одной школы, *непремѣнно* становились на одну сторону, а изъ другой — на другую, одни держались православія, а другіе дѣлались еретиками, не могло быть“ (39). Критикъ, проводя мои мысли „до дальнѣйшихъ выводовъ“, индѣ прибавитъ многократное: *непремѣнно*, индѣ: *всѣ* — *всѣ*, индѣ опять: *непремѣнно*, и получается смыслъ или *непремѣнно* нелѣпый, или *всепцѣло* вздорный. Но критику до этого мало дѣла. Онъ охотно вступаетъ въ полемику съ своими собственными измышленіями, безжалостно казнить ихъ, поражаетъ и низвергаетъ, а самъ выходитъ изъ такой борьбы торжествующимъ и вседовольнымъ. Желательно бы знать, гдѣ я говорилъ, что послѣдователи одной школы *непремѣнно* становятся защитниками положимъ — ереси, а послѣдователи другой положимъ — православія? Такихъ обобщеній въ моей книгѣ нѣтъ и искать ихъ нельзя. Ужели онъ не замѣтилъ, что я не отношу антиохійцевъ Евстафія и Флавіана къ еретикамъ-аріанамъ, какъ слѣдовало бы, если бы „*непремѣнно*“ моего критика было и моимъ „*непре-*

мѣнно?“ Ужели онъ не знаетъ изъ моей книги, что Маркелла и Аполлинарія, хотя я и отношу къ представителямъ школы александрійской, однако не объявляю защитниками православной вѣры, какъ слѣдовало бы, если бы законъ, навязанный мнѣ критикомъ, былъ моимъ историческимъ закономъ? Что дало ему хоть малѣйшее право утверждать, что *всю* догматическую дѣятельность, *всю* споры IV и V вѣковъ я вывожу изъ борьбы двухъ школъ между собою? Развѣ я утверждалъ гдѣ-либо въ своей книгѣ, что мелетіанскіе споры, ересь Фотина, целагіанство, аріанство Готовъ и Вандаловъ, догматическое ученіе о благодати и свободѣ, о паденіи и искупленіи, о почитаніи святыхъ, раскрытое и разъясненное въ это время,— все это слѣдуетъ выводить изъ борьбы двухъ школъ? Недоумѣваю и удивляюсь. Послѣ этого понятно, что провозглашеніе о. Иванцовымъ истинъ, противныхъ моимъ якобы положеніямъ, должно часто оставлять безъ послѣдствій, уроки должно возвратитъ по адресу учителя въ виду полной ихъ ненадобности, для читателя моей книги.— Въ особенности критикъ тратитъ много совершенно напрасныхъ усилій на то, чтобы доказать, что я выставляю аріанъ прогрессистами (?), и затѣмъ на то, чтобы побѣдоносно опровергнуть такой неправильный взглядъ на этихъ древнихъ еретиковъ. Читая подобныя страницы сочиненія о. Иванцова, по истинѣ припоминаешь заглавіе одного Шекспирова сочиненія: „много шуму изъ ничего.“ Собственно объ этомъ намъ вовсе не стоило бы и говорить. Кто читаетъ мою книгу не съ цѣлію писать длинныя критическія статьи, тотъ едва ли отыщетъ въ ней что-либо подобное, для того нѣтъ надобности въ какихъ-либо разъясненіяхъ по поводу сейчасъ указанныхъ поползновеній моего критика. Дѣло (книга) говоритъ сама за себя. Тѣмъ не менѣе мы войдемъ въ

и въкоторыя подробности касательно указаннаго пункта, потому что въ этомъ случаѣ очень типично выразилась черта критическихъ пріемовъ о. Иванцова, проницательность котораго идетъ такъ далеко, что онъ въ моемъ сочиненіи читаетъ какое-то другое сочиненіе можетъ быть *самого* Баура. Правдивая и даже съ точки зрѣнія самыхъ притязательныхъ людей совершенно невинная характеристика аріанъ, бывшихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, какая находится въ моей книгѣ, подала критику поводы взвести на меня многочисленныя обвиненія. Я говорю объ аріанахъ, присутствовавшихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ: „они утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ (въ области вѣры) не должно слѣдовать безъ провѣрки ихъ (у меня цитата). На соборѣ никейскомъ аріанству благопріятствовали мужи, искусные въ совопросничествѣ, отвращавшіеся простоты вѣры (тоже—цитата). Не даромъ Аѳанасій называетъ аріанствующихъ богослововъ *свободномыслящими* богословами. Вообще партію собора, противоположную православнымъ, можно назвать *либерально* - рационалистическою“ (6. 7). Теперь посмотримъ, вочто превращается эта характеристика аріанъ въ книгѣ о. Иванцова? Послѣ его тончайшаго анализа моихъ словъ ему представляется партія аріанъ, будто-бы на основаніи вышеуказанныхъ словъ, прогрессивною, умною, одаренною необыкновенными талантами и т. п. Извративъ мои мысли, критикъ мой послѣ этого весьма удобно и сильно опровергаетъ эти искаженныя мысли, которыя онъ выдаетъ за мои, но которыя съ полнѣйшимъ правомъ я объявляю его собственной выдумкой. Вотъ самый процессъ, посредствомъ котораго критикъ успѣшно извращаетъ и подтасовываетъ мои мысли. Указавъ на сдѣланную мною характеристику членовъ собора никейскаго—аріанъ и православныхъ, авторъ тотчасъ же (75) предлагаетъ себѣ вопросъ: